

УДК 343.13**О проблеме избрания личного поручительства следователем****Зиновьева Екатерина Сергеевна**

Адъюнкт очной формы адъюнктуры,
Нижегородская академия МВД России,
603144, Российская Федерация, Нижний Новгород, ш. Анкудиновское, 3;
e-mail: Ekaterina-smirnova27@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает возможность применения личного поручительства следователем на практике, проблемы его применения, а также, проблему доверительного аспекта данной меры пресечения. От реализации ст. 103 УПК РФ правоприменитель преимущественно воздерживается именно по той причине, что не считает безопасным брать на себя ответственность в разрешении вопроса об удовлетворении ходатайства о назначении упомянутой меры пресечения, не связанной с лишением свободы передвижения. Объясняется это тем, что последнее видится ему более надежным, в особенности, если учесть, что на личного поручителя распространяется право обжалования, предусмотренное ст. 123 УПК РФ, и его введение в производство по конкретному делу сопоставимо с появлением еще одной переменной, подлежащей учету при принятии процессуальных и тактических решений, что явно не служит упрощению расследования. Следователь *de facto* сам возлагает на себя обязанность по проведению проверочных мероприятий в отношении, во-первых, подозреваемого или обвиняемого, а во-вторых, в отношении лица, ходатайствующего о своем участии в качестве личного поручителя. Отдавая себе отчет в том, что в процессуальной науке широкое распространение получают идеи о необходимости предоставления следователю большей дискреционности полномочий, самостоятельности в принятии решений на основании собственного усмотрения, отмечаем, что фактическое положение дел в современной системе правосудия, воплощающее собою нагромождение обязанностей и безальтернативных процессуальных рисков, сводит подобные, без преувеличения, грандиозные планы к утопическим теориям.

Для цитирования в научных исследованиях

Зиновьева Е.С. О проблеме избрания личного поручительства следователем // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 7А. С. 408-415.

Ключевые слова

Поручительство, подозреваемый, следователь, доверие.

Введение

Соответствующие предпосылки к назначению личного поручительства в качестве меры пресечения и доводы в пользу ее применения в отношении конкретного лица не обладают абсолютно никаким юридическим весом и не обязывают следователя избирать именно обозначенную меру. *Отказ в назначении этой меры пресечения defacto может быть ничем не мотивирован, поскольку ему нечего противопоставить, и ни один из возможных контраргументов не будет иметь юридической значимости перед должностными лицами следственно-судебных органов.*

Так, стороне защиты, чтобы оспорить на первый взгляд немотивированное решение, остается лишь взывать к личным убеждениям лица, производящего предварительное расследования или осуществляющего правосудие, чтобы он, в разрезе своего субъективного опыта, усмотрел основания для доверия конкретному гражданину. Тем не менее, с большей вероятностью, он их не усмотрит исходя из собственных опасений за свою службу. Ведь в случае невыполнения возлагаемых на поручителя обязанностей должностное лицо, санкционировавшее применения полагаемой меры, также может нести неблагоприятные ретроспективные последствия, как минимум дисциплинарного характера. Ведь причины для доверия к конкретному поручителю устанавливались исходя из всех обстоятельств расследуемого дела им лично, а не законодателем. Справедливо замечание М.Г. Оленева, указывающего, что оценочный и субъективный характер позиции доверия в личном поручительстве является проблемным вопросом, кроме того, законодатель не закрепил конкретные критерии, наличие которых делает доверие органа уголовного судопроизводства обоснованным, и в совокупности эти обстоятельства осложняют процесс применения личного поручительства [Оленев, Артемова, 2018]. Соответственно, и переложить с себя ответственность на последнего не представится возможным, а из этого следует, что должностному лицу гораздо надежнее будет применить какую-либо иную меру пресечения.

Основная часть

В подтверждение вышесказанному приведем выдержку из апелляционного постановления № 22К-981/2015 от 12 июня 2015 г. суда апелляционной инстанции Верховного суда Республики Саха (Якутия): *«поручитель должен заслуживать общественное доверие, иметь стабильное социальное положение, пользоваться уважением, авторитетом, не допускать нарушения закона [Уголовное дело № № 22К-981/2015, www]».*

Возникает вопрос: исходя из каких нормативно-правовых актов судьей были подчерпнуты такие критерии? Каждое судебное решение, хоть и принимается по убеждениям судьи, должно быть юридически обоснованным. Но из-за субъективности предусмотренной законодателем терминологии и отсутствия точно сформулированных им границ ее интерпретации возможно любое толкование юридической категории через призму амбивалентных понятий.

Для наиболее репрезентативной демонстрации возможностей немотивированного отказа в удовлетворении ходатайств о личном поручительстве предлагаем подробно рассмотреть пример из следственно-судебной практики. Так, в апелляционном постановлении Верховного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 2-289 от 13 марта 2020 года [Уголовное дело № 22-489, www] приводится попытка обжалования адвокатом решения суда первой инстанции об

избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и отказе в применении личного поручительства. В частности, им приводятся следующие доводы в пользу того, что подобный отказ был немотивированным:

1. Подзащитный находится в тесной социальной связи с гражданской женой, по показаниям которой они имели определенные планы по созданию семьи и постройке собственного дома. В связи с этим адвокат считает безосновательным изложенный судьей первой инстанции аргумент о том, что гражданка, обратившаяся с ходатайством о своем участии в качестве личного поручителя, не способна гарантировать суду надлежащее поведение подозреваемого «П» на период производства предварительного расследования и не может поручиться, что им не будут совершены новые преступления.

1.1. Следует отметить, что утверждение судьи о том, что поручитель не сможет гарантировать воздержание от совершения новых преступлений, непосредственно к личному поручительству никакого отношения не имеет, поскольку по смыслу ч. 1 ст. 103 УПК РФ, отсылающей к пунктам 2 и 3 ст. 102 УПК РФ, обязательства поручителя заключаются лишь в обеспечении явки подозреваемого (обвиняемого) в назначенный срок и в гарантировании того, что последним не будет осуществляться препятствование производству по уголовному делу. Вместе с тем приведенный выше довод стороны защиты также является сомнительным применительно к его относимости, поскольку, как верно отметил суд в апелляционном постановлении, совместное ведение хозяйства и намерение подозреваемого о постройке дома не являются безусловными основаниями для изменения меры пресечения с ареста на более мягкую меру пресечения.

2. Соблюдены все условия, предусмотренные ст. 103 УПК РФ, в частности:

2.1. Поручитель является уважаемым лицом, что подтверждается предоставленными и приобщенными по ходатайству защитника грамотами и дипломами. Отмечаем, что уважение и доверие не являются тождественными понятиями, и первое, как юридическая категория, не предусмотрено в качестве обязательного условия или критерия избрания рассматриваемой меры пресечения;

2.2. Поручитель находится в доверительных отношениях с подозреваемым, что подтверждается согласием последнего на избрание личного поручительства.

2.3. Подозреваемый находится под влиянием поручителя вследствие их хороших взаимоотношений.

2.4. Согласие подозреваемого свидетельствует о том, что он берет на себя моральное обязательство о надлежащем поведении, которое лишь гарантируется поручителем.

2.5. В любой момент может быть заявлен отказ от поручительства, приводящий к замене поручителей, отмене или избранию иной меры пресечения.

2.6. В суд поданы ходатайства и подписки о личном поручительстве.

2.7. Поручителю были разъяснены его обязанности и суть поручительства. Он был предупрежден о возможности его привлечения к ответственности в виде денежного взыскания.

2.8. Сам подозреваемый осуществляет все возможное для раскрытия совершенного преступления.

2.9. В постановлении суда первой инстанции отсутствует мотивировка того, почему судом не усматривается возможность применения личного поручительства.

2.10. Суд не выполнил требования, приведенные законодателем в ст. 99 УПК РФ, вопреки отдельным положениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

19 декабря 2013 г. № 41 [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N41, 2013], поскольку оспариваемое постановление основной акцент делает на тяжести преступления, в совершении которого подозревается подзащитный.

2.11. В содержании обжалуемого судебного акта отсутствуют сведения, положительным образом описывающие личность подозреваемого, в частности характеристики по месту отбывания уголовного наказания по предшествующей судимости.

2.12. Суд первой инстанции отводит значительное место в аргументации заключения под стражу отсутствию постоянного места жительства у подозреваемого.

2.13. В материалах ходатайства, предоставленного следователем для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не приводится ни одного документа об отсутствии у подозреваемого медицинских противопоказаний к его содержанию под стражей. Тем не менее, суд первой инстанции безосновательно был уверен в отсутствии у задержанного гражданина болезней, при которых назначение ареста противопоказано.

2.14. Подозреваемый раскаялся в содеянном и в ходе судебного разбирательства пояснил, что не имеет намерения скрываться от следствия, дознания и суда.

2.15. Подозреваемым было указано, что телесные повреждения он причинил лишь для защиты своей жены от противоправного посяательства со стороны третьего лица.

Тем не менее, несмотря на все приведенные стороной защиты аргументы, в итоге суд оставил апелляционную жалобу без удовлетворения, обосновав это следующим:

а) имеются показания свидетелей о причастности подозреваемого к совершению преступления (отметим, что факт причастности не отрицается и самим подозреваемым);

б) данный гражданин неоднократно привлекался к уголовной ответственности и имеет непогашенную судимость за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, по которому он был условно-досрочно освобожден от отбывания наказания в 2014 году. Суд считает, что указанное обстоятельство характеризует его как лицо, склонное к совершению преступлений.

Обращаем внимание, что приговор по предыдущему преступлению датируется мартом 2008 года, в то время как новое преступление совершено в феврале 2020 года. Таким образом, между двумя данными преступлениями существует срок в 12 лет. Учитывая, что по расследуемому делу гражданин пока что находится в процессуальном статусе всего лишь подозреваемого, мы скептически относимся к состоятельности приведенного судьей довода о том, что указанное лицо является склонным к совершению преступлений.

в) подозреваемый может скрыться от следствия и суда и заниматься преступной деятельностью (на наш взгляд, очевидно, что сам термин «преступная деятельность» в отношении единого насильственного преступления является неуместным), так как не имеет постоянного источника дохода и не проживает по месту регистрации (*также не считаем это полновесным аргументом в пользу обоснованности изложенных судом подозрений*).

Без ответа остается вопрос, в чем интерес следователя по избранию в качестве меры пресечения именно личного поручительства. Если учесть, что сторона защиты лишь ходатайствует об избрании указанной меры, а конечное решение остается за должностным лицом, то ответ на этот вопрос непременно должен быть, но он отсутствует.

Отдавая себе отчет в том, что в процессуальной науке широкое распространение получают идеи о необходимости предоставления следователю большей дискреционности полномочий [Карагозян, 2009], самостоятельности в принятии решений на основании собственного усмотрения, отметим, что фактическое положение дел в современной системе правосудия,

воплощающее собою нагромождение обязанностей и безальтернативных процессуальных рисков, сводит подобные, без преувеличения, грандиозные планы к утопическим теориям. Даже если предоставить среднестатистическому российскому следователю абсолютную процессуальную свободу, он будет выбирать тот путь, что сопряжен с гораздо меньшими рисками для расследования, для благополучия его службы. Соответственно, игнорировать этот нюанс в исследовании, ориентированном на свое правотворческое продолжение, было бы чрезвычайно недальновидным антинаучным решением, сведенным к метафизической, если не релятивистской, методологии.

Таким образом, в качестве отдельных аспектов проблемы избрания личного поручительства выделяются:

- 1) Отсутствие у следователя фактической заинтересованности в пользу выбора именно этой меры из числа предусмотренных уголовно-процессуальным законом;
- 2) Отсутствие каких-либо конкретных нормативных оснований, не относящихся к субъективному усмотрению;
- 3) Статья 103 УПК РФ в качестве основания устанавливает предположение следователем абстрактных нравственных качеств в личности потенциального поручителя, что сложно признать устойчивым надежным обстоятельством. В случаях, если поручитель не исполняет свои обязанности, естественно, разрешается вопрос о привлечении его к имущественной ответственности в соответствии с ч. 4 ст. 103 УПК РФ. Но будет ли и, в принципе, должно ли оставаться без внимания то обстоятельство, что следователь переоценил личные качества и социальную ответственность поручителя? Уголовно-процессуальным законом не предусматривается личная ответственность следователя в подобных ситуациях, но следует учитывать, что она не исключена по специальному законодательству и ведомственным подзаконным актам, а привлечение к ней осуществляется в служебном порядке в качестве дисциплинарного взыскания. В свою очередь, доверие следователя к назначенному им поручителю может быть расценено как непрофессионализм или даже халатность, а решение об избрании личного поручительства признано некомпетентным.

Статья 103 УПК РФ в качестве основания устанавливает предположение следователем абстрактных нравственных качеств в личности потенциального поручителя, что сложно признать устойчивым надежным обстоятельством.

Так, А.С. Морозов полагает, что формулировка «заслуживающий доверия» в уголовном процессе не совсем корректна, объясняя это тем, что она носит субъективный характер, а законодатель не указал, какие субъекты являются заслуживающими доверия [Морозов, 2013]. От себя добавим, что законодатель даже не определил пределы доверия, а равно каких-то обобщенных критериев, на основании которых следователь или суд должны установить степень доверия процессуально, а не на основании своего, например, мировоззрения, правосознания или отдельных взглядов.

С большей вероятностью субъект расследования будет склоняться к избранию залога, учитывая, что таким образом он переложит с себя на судью потенциальную служебную ответственность в том случае, если избранная мера не приведет к ожидаемым результатам. К примеру, Н.В. Ткачева отмечает, что залог основывается на моральных обязательствах перед залогодателем в лице конкретного лица или организации [Морозов, 2013]. Однако, как справедливо заключает П.В. Вдовцев, если моральная ответственность перед лицом, внесшим

залог, выходит на первый план при определении сущности воздействия подобной меры пресечения на подозреваемого (обвиняемого), то речь необходимо вести уже не о залоге, а о личном поручительстве, поскольку механизм его воздействия как раз опирается на моральную составляющую [Вдовцев, 2019].

Заключение

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что личное поручительство в качестве меры пресечения применяется следователем крайне редко, однако, полностью раскрывая её сущность, стоит сделать вывод о большей целесообразности её применения при проведении предварительного расследования по некоторым уголовным делам.

Библиография

1. Андреева О.И. и др. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
2. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: РИО БашГУ, 2003. 236 с.
3. Вдовцев П.В. Залог или личное поручительство? // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2 (20).
4. Карагозян Э.М. Процессуальная самостоятельность следователя при применении мер пресечения // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3.
5. Морозов А.С. Правовое положение лиц, отбывших уголовное наказание // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3 (16).
6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 г. // Российская газета. 2013. № 294.
7. Оленев М.Г., Артемова А.Г. Применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (20).
8. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск: Издательство: ЮУрГУ, 2004. 191 с.
9. Уголовное дело № 22-489: апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 13 марта 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».
10. Уголовное дело № № 22К-981/2015: апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Верховного суда Республики Саха (Якутия) № 22К-981/2015 от 12 июня 2015 г. URL: //sudact.ru/regular/doc/o1kwdv8wq1dK/ (дата обращения: 12.06.2024).

On the problem of choosing a personal surety by an investigator

Ekaterina S. Zinov'eva

Full-time Postgraduate Student,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603144, 3 Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: ekaterina-smirnova27@mail.ru

Abstract

The author considers the possibility of using a personal guarantee by an investigator in practice, the problems of its application, as well as the issues of the confidential aspect of this preventive

measure. From the implementation of Art. 103 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the law enforcement officer predominantly abstains precisely for the reason that he does not consider it safe to take responsibility in resolving the issue of satisfying the petition for the appointment of the mentioned preventive measure, not related to deprivation of freedom of movement. This is explained by the fact that the latter seems to him more reliable, especially considering that the personal guarantor is subject to the right of appeal provided for in Art. 123 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and its introduction into proceedings in a specific case is comparable to the emergence of another variable to be taken into account when making procedural and tactical decisions, which clearly does not serve to simplify the investigation. The de facto investigator himself assumes the responsibility for conducting verification activities in relation to, firstly, the suspect or accused, and secondly, in relation to the person applying for his participation as a personal guarantor. Realizing that in procedural science ideas about the need to provide the investigator with greater discretionary powers and independence in making decisions based on his own discretion are becoming widespread, we note that the actual state of affairs in the modern justice system, which embodies a heap of responsibilities and unalterable procedural risks, reduces such, without exaggeration, grandiose plans to utopian theories.

For citation

Zinov'eva E.S. (2024) O probleme izbraniya lichnogo poruchitel'stva sledovatelem [On the problem of choosing a personal surety by an investigator]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (7A), pp. 408-415.

Keywords

Surety, suspect, investigator, trust.

References

1. Andreeva O.I. et al. (2015) *Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya bakalavriata yuridicheskikh vuzov* [Criminal Procedure: a textbook for undergraduate law students]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
2. Karagozyan E.M. (2009) Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya pri primenenii mer presecheniya [Procedural independence of the investigator in the application of preventive measures]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 3.
3. Morozov A.S. (2013) Pravovoe polozhenie lits, otbyvshikh ugovnoe nakazanie [Legal status of persons who have served a criminal sentence]. *Vestnik Kuzbasskogo institutam* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 3 (16).
4. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2013 g. № 41 g. [On the practice of applying the legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail by the courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41] (2013). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian Newspaper], 294.
5. Olenev M.G., Artemova A.G. (2018) Primenenie mer presecheniya, ne svyazannykh s lisheniem svobody, po Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Application of preventive measures not related to deprivation of liberty under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute], 2 (20).
6. Tkacheva N.V. (2004) *Mery presecheniya, ne svyazannye s zaklyucheniem pod strazhu, v ugovnom protsesse Rossii* [Preventive measures not related to detention in criminal proceedings in Russia]. Chelyabinsk: South Ural State University.
7. Ugolovnoe delo № 22-489: apellyatsionnoe postanovlenie suda apellyatsionnoi instantsii Verkhovnogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 13 marta 2020 goda [Criminal Case No. 22-489: Appellate Ruling of the Court of Appeal of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of March 13, 2020]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. *Ugolovnoe delo № № 22K-981/2015: apellyatsionnoe postanovlenie suda apellyatsionnoi instantsii Verkhovnogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) № 22K-981/2015 ot 12 iyunya 2015 g.* [Criminal Case No. 22K-981/2015: Appellate Ruling

-
- of the Court of Appeal of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 22K-981/2015 of June 12, 2015] Available at: [//sudact.ru/regular/doc/o1kwdv8wq1dK/](https://sudact.ru/regular/doc/o1kwdv8wq1dK/) [Accessed 12.06.2024].
9. Vasil'eva E.G. *Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Measures of criminal procedural coercion]. Ufa: Bashkir State University, 2003. 236 s.
 10. Vdovtsev P.V. (2019) Zalog ili lichnoe poruchitel'stvo? [Bail or personal guarantee?]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2 (20).